

Клаус Манн

МЕФИСТОФЕЛЬ
История одной карьеры

Роман

*Перевод с немецкого
Константина Богатырева*

МОСКВА «ТЕКСТ» 2022

Актрисе Терезе Гизе посвящается

Все слабости человека прощаю я актеру,
и ни одной слабости актера не прощаю
человеку.

Гёте. Вильгельм Мейстер

ПРОЛОГ. 1936

— Говорят, в одном промышленном центре на западе Германии осудили больше восьмисот рабочих. Все проходили по одному процессу. Всех в каторжную тюрьму. На большой срок.

— А я слышал, что их было всего пятьсот. И еще больше ста даже не судили — убили тайком за убеждения.

— А что, правда у них такие низкие заработки?

— Ужасно низкие, и все ниже и ниже, а цены растут.

— Оформление оперного театра к сегодняшнему торжеству обошлось, говорят, в шестьдесят тысяч марок. Плюс по крайней мере сорок тысяч марок других расходов, да еще прибавьте убытки в связи с закрытием театра на пять дней из-за подготовки к балу.

— Милый семейный праздничек, день рождения, видите ли.

— Чудовищно, а ведь хочешь не хочешь надо в нем участвовать.

Оба молодых иностранных дипломата, любезно улыбаясь, раскланялись с офицером в парадном мундире, подозрительно глянувшим на них сквозь монокль.

— О, тут весь генералитет!

Они вновь заговорили, лишь когда офицер в парадном мундире оказался вне пределов слышимости.

— Все они говорят только о мире, — горько заметил один.

— Интересно, надолго ли их хватит, — весело усмехнулся второй, кланяясь низенькой даме из японского посольства, шедшей под руку с великаном в морской форме. Рядом с ним она казалась совсем маленькой и очень изящной.

— От них всего можно ждать.

К обоим атташе присоединился господин из министерства иностранных дел. Молодые люди тотчас принялись восхищаться великолепием праздничного убранства.

— Да, это во вкусе господина премьер-министра, — слегка смутился господин из министерства иностранных дел.

— Но какой блеск изобретательности, — поспешили заверить его молодые дипломаты чуть не в один голос.

— Безусловно, — выдавил из себя господин с Вильгельмштрассе.

— Такого великолепия нигде, кроме Берлина, и не увидишь, — успел добавить один из иностранцев.

Господин из министерства иностранных дел секунду помедлил, потом вежливо улыбнулся. Наступила пауза. Все трое осматривались, прислушиваясь к праздничному шуму.

— Невероятно, — шепнул наконец один из молодых людей, на этот раз без всякого сарказма. Он был в самом деле потрясен и даже несколько подавлен окружавшим его великолепием. Воздух был насыщен благовониями, и освещение было таким ярким, что ему слепило глаза. Чуть недоверчиво, но с благоговением он смотрел на мерцающие огни.

«Где я? — подумал молодой человек, он был представитель одной из Скандинавских стран. — Ну и убранство — просто невероятно. Даже страш-

но. Что-то подозрительно мне веселость этих нарядных господ. Двигаются, как марионетки, — угловато и даже вроде дергаются. В глазах ожидание, взгляд неприятный — много страха и жестокости. У нас люди смотрят не так — приветливей, свободней. У нас... И смеются у нас не так. Да... У нас на севере. У этих смех язвительный, и в нем слышится отчаяние. И что-то наглое в нем, вызывающее, и безнадежно злое, и печальное. Люди с чистой совестью так не смеются».

Пышный бал, данный по случаю сорокатрехлетия премьер-министра, распространился на все помещения Оперного театра. Нарядная толпа текла по длинным фойе, кулуарам и вестибюлям. В ложах, убранных дорогими драпери, откупоривали шампанское. Из партера унесли стулья, там танцевали. Оркестр, разместившийся на сцене, освобожденной от декораций и кулис, был столь велик, что вполне мог исполнять по меньшей мере симфонию Рихарда Штрауса. Звучала, однако, всего лишь странная мешанина из военных маршей и джазовой музыки. Правда, джаз в рейхе презирали по причине негритянского происхождения, но вельможный именинник на своем торжестве не мог от него отказаться.

Здесь собрались все те, кто что-то значил в этой стране, — все, кроме самого диктатора, сославшегося на болезнь горла и переутомление. Не было также кое-кого из партийных выскочек — но это так, плебеи, их просто не пригласили. Зато тут блистало несколько наследных принцев, и множество князей, и почти вся придворная знать. Весь генералитет вермахта, влиятельнейшие финансисты и промышленники, члены дипломатического корпуса — в основном представители малых или отдаленных стран; несколько министров, несколько знаменитых артистов — о благосклонном отношении юби-

ляра к театру знали все — и даже один поэт очень демократичного вида. О нем было известно, что он снискал дружеское расположение диктатора. Всего разослали около двух тысяч приглашений. Из них около тысячи почетных с правом бесплатно наслаждаться празднеством; прочие должны были платить по пятьдесят марок за вход, и таким образом часть издержек окупалась, а остальная часть ложилась бременем на тех налогоплательщиков, которые не принадлежали к ближайшему окружению премьер-министра и ни в коей мере не входили в состав элиты нового немецкого общества.

— Какой чудесный праздник! — воскликнула доверливая супруга рейнского фабриканта оружия, обращаясь к жене дипломата из Южной Америки. — Мне так весело, я так счастлива! Вот бы всем людям в Германии и во всем мире было так же хорошо, так же весело, как мне!

Жена дипломата из Южной Америки, плохо понимавшая немецкий, кисло улыбнулась: она скучала...

Счастливую фабрикантшу разочаровало это отсутствие энтузиазма, и она двинулась дальше.

— Простите меня, дорогая! — сказала она, изысканным движением подбирая сверкающий шлейф. — Мне надо поздороваться с моей старинной приятельницей из Кёльна — матерью директора государственных театров, вы же знаете — великого Хендрика Хёфгена.

Тут американка, наконец, раскрыла рот, чтобы спросить: «Who is Henrik Hopfgen?»* — что дало повод фабрикантше потрясенно воскликнуть:

— Как, вы не знаете нашего Хёфгена? Хёфген, моя дорогая, а не Хопфген, и Хендрик, а не Хенрик — он придает большое значение этому маленькому «д»!

* Кто это Хенрик Хопфген? (англ.)

Но она уже метнулась к изящно одетой матроне, которая под руку с поэтом — другом фюрера важно плыла по залу.

— Дорогая фрау Белла! Мы ведь не виделись целую вечность! Как поживаете, моя дорогая? Не тоскуете иногда по нашему Кёльну? Правда, здесь у вас такое блестящее положение! А как поживает Йози? Ах, какое прелестное дитя! Но прежде всего: что Хендрик, ваш великий сын? Боже, как он вознесся! Ведь он почти равен министру! Да, да, дорогая фрау Белла! В Кёльне так не хватает вас и ваших изумительных детей!

На самом деле миллионерша никогда не интересовалась фрау Беллой Хёфген, пока та жила в Кёльне и пока сын ее еще не сделал такой головокружительной карьеры. Дамы были едва знакомы. Никогда фрау Беллу не приглашали на виллу фабриканта. Но теперь веселая и благодатная богачка так и вцепилась в женщину, сын которой считался близким другом премьер-министра.

Фрау Белла благосклонно улыбалась. Она была одета очень просто, но не без кокетства. На ее гладком, отливающим черным блеском бальном платье сверкала белая орхидея. Седые скромно убранные волосы пикантно контрастировали с еще довольно молодым, чуть подкрашенным лицом. Широко раскрытые зеленовато-голубые глаза приветливо, но сдержанно смотрели на болтливую даму, обязанную и своим потрясающим ожерельем, и длинными серьгами, и парижским туалетом — словом, решительно всем великолепием — оживлению немецких военных приготовлений.

— Грех жаловаться, нам всем живется неплохо, — сказала со сдержанной гордостью фрау Хёфген. — Йози обручилась с молодым графом Доннерсбергом. Хендрик немного переутомлен, он столько работает.